

Растирание груди сменилось массажем спины, и Лу Чжаньбай всерьёз пожалел, что до сих пор жив.

Боль была невыносимой, куда хуже обычных побоев. Слезы катились градом, но Ли Шэнъань, сидевший сзади, оставался глух к его страданиям. Он был суров, а пальцы с прежним упрямым остервенением втирали мазь, не зная жалости.

Чжаньбаю вдруг подумалось: Шэнъань ведь и сам не раз ввязывался в жестокие драки. Его раны бывали куда опаснее, а боль — сильнее. Как он только всё это терпел? Определённо, этот парень был сделан из какого-то другого теста.

В конце концов Шэнъань остановился и перевернул его обратно на спину.

Чжаньбай лежал едва живой. Он сорвал голос, выбился из сил и теперь лишь тяжело, со свистом дышал, глядя в потолок остекленевшим взглядом.

— Живой? — Шэнъань несильно похлопал его по щеке.

Чжаньбай с трудом сфокусировал взгляд и прохрипел:

— Почти спёкся.

Шэнъань дал ему сделать глоток воды и позволил немного перевести дух.

Понемногу придя в себя, Чжаньбай опустил взгляд на своё тело. Бинты, пластыри, компрессы — живого места не осталось, сплошной кокон.

— На человека хоть похож? — вяло выдавил он.

— А ты только сейчас понял, что на человека не тянешь? — усмехнулся Шэнъань.

Усадив Чжаньбая повыше и прислонив к спинке дивана, он принялся обрабатывать ссадины на его лице.

Шэнъань сосредоточенно обрабатывал порезы, приблизившись почти вплотную и совершенно не замечая, как близко он оказался.

У Чжаньбая внутри всё перевернулось. Горячая волна мгновенно хлынула по венам, отзываясь внизу живота предательским жаром.

Шэнъань — светлая кожа, длинные ресницы, чистый взгляд и очерченные губы — сводил с ума.

Всё это было так близко, прямо перед ним. Безумно хотелось податься вперёд и поцеловать его.

Чжаньбай сдерживался изо всех сил, покрываясь крупными каплями пота.

— Что, до сих пор больно? Чего взмок-то так? — спросил Шэнъань, закончив с лицом и оглядев его.

— Нет! — выпалил Чжаньбай, но тут же испугался, что выдаст себя, и поспешно затряс головой: — То есть да! Очень! Просто адски больно!

— Так больно или нет? — окончательно запутался Шэнъань. — Потерпи, сейчас закончим, самое сложное позади.

Не дав Чжаньбаю опомниться, Шэнъань потянулся к его ремню.

Чжаньбай в ужасе дёрнулся всем телом и заорал:

— Ты что творишь?!

Шэнъань недоумённо вскинул голову:

— Чего ты орёшь? Как я тебе ушибы на ногах обработаю, если штаны не снять?

Заметив, как Чжаньбай густо покраснел, словно нашкодивший мальчишка, он весело хмыкнул:

— Надо же, у тебя, оказывается, есть стыд. Какая редкость.

Игнорируя протесты, Шэнъань расстегнул ремень и уверенным движением стянул с него брюки. Но то, что предстало его взору в следующую секунду, заставило его застыть на месте, как громом поражённого.

Освобожденная от тесной ткани, плоть Чжаньбая натянулась, упёршись в белое бельё и образовав под ним внушительный, недвусмысленный бугор.

Стыд и позор. Чжаньбай готов был сквозь землю провалиться.

Удивление Шэнъаня сменилось шоком, а затем — бешеной яростью. Сменив несколько оттенков от бледного до багрового, он резко поднялся, схватил плед и швырнул его прямо на пах Чжаньбая.

— Твою мать! В таком состоянии, а всё туда же! Мало тебя отделали, козлина ты похотливая!

Лишённый возможности пошевелиться, Чжаньбай мог лишь терпеть эти оскорбления. Косясь на бугор под пледом, он заговорил обиженным тоном:

— Оно само... Я тут вообще ни при чём! Оно само встало!

— Бесстыжая скотина! — процедил Шэнъань и принялся раздражённо собирать разбросанные лекарства обратно в аптечку. Продолжать процедуру он явно не собирался.

— А что мне делать, если ты мне нравишься? — не унимался Чжаньбай. — У тебя перед любимым человеком разве не так? Или ты вообще не мужик?

— Заткнись, от твоих слов тошнит, — огрызнулся Шэнъань. — Грош цена твоим чувствам, и даром они мне не сдались! Животное, готовое трахаться где угодно, с кем угодно и когда угодно, ещё смеет рассуждать о любви? Не смеши меня!

— А у животных, по-твоему, чувств не бывает? — завёлся Чжаньбай. — Я хотя бы искренен в своих желаниях! В отличие от некоторых чистоплюев, которые строят из себя святош, а в постели трахаются круче любой шлюхи! Скажи ещё, у самого яички не пухнут? Как сам-то справляешься? Свои грехи вспомни, прежде чем меня учить!

— Ах ты... ублюдок! — Шэнъань побелел от злости, воздух застрял у него в горле.

— Шэнъань, давай переспим, — вкрадчиво предложил Чжаньбай с откровенно наглой ухмылкой. — Ты ведь тоже один. Неужели не одиноко? Не хочется ласки? Не нужно разрядки? Мы же как сухой хворост — только искру дай. Я уже не могу больше, с ума схожу.

— Ещё слово, сука, и я тебе ноги переломлю! — взревел Шэнъань, заноса над ним кулак.

Чжаньбай в панике зажмурился. Он инстинктивно попытался отшатнуться, но от резкого движения всё тело пронзила такая боль, что он истошно закричал.

— Погляди на себя, убожество! — Шэнъань опустил кулак, но злость в его голосе никуда не делась. — Да на что ты сейчас вообще годен? Хочешь трахаться — катись отсюда и найди себе кого-нибудь, мне плевать! Думаешь, я побегу тебя останавливать? Чёрта с два! Я просто идиот, раз вообще полез спасать твою шкуру!

— Ха-ха... — Чжаньбай, несмотря на боль, самодовольно ухмыльнулся. — Никакой ты не идиот. Ты просто ревнуешь! И знаешь, мне это даже нравится. Знай я раньше, что это тебя так заводит, не тратил бы время на глупости.

— Ревную?! Я?! — Шэнъань ткнул пальцем сначала в себя, потом в Чжаньбай и взорвался: — Тебя ревновать, недоноска? Ты вообще кто такой, Лу Чжаньбай, чтобы я из-за тебя сох? Обычный мажор, который жрёт за чужой счёт. Пустое место, неудачник, способный только портить всё, к чему прикасается! Бездельник и тупица! И тебя мне ревновать? Да я тебя за человека никогда не считал! Запомни это и закатай губу, мечтатель хренов!

Шэнъань выпалил всё это на одном дыхании, даже не до конца осознавая, насколько грубо звучат его слова. Тяжело дыша, он схватил аптечку и зашагал к своей спальне. Ещё минута в одном помещении с этим наглецом — и он точно за себя не ручается.

— Да всё ты правильно говоришь! — крикнул ему вдогонку Чжаньбай, приподняв голову. — Я ничтожество! А ты сам-то, Ли Шэнъань, кроме как кулаками махать, на что способен? Сам на дне торчишь, а ещё меня судишь! Но я от тебя всё равно не отстану. Буду таскаться за тобой всю жизнь. Так что лучше пришиби меня сразу, если хочешь избавиться!

Ответом ему стал оглушительный грохот захлопнувшейся двери.

Лу Чжаньбай откинулся на подушки и горько усмехнулся.

"Значит, вот кто я для него..."

Кому не хочется, чтобы его жизнь имела смысл? Кто не мечтает заслужить уважение и любовь того, кто дорог? Кто отказался бы жить легко и свободно, без лишних забот? Но для него всё это давно стало недостижимым. Слишком долго он катился по наклонной, растеряв всякое желание что-то менять и двигаться вперёд. Он ведь действительно собирался провести остаток дней в угаре и бездельничать, пока смерть не избавит его от этого бессмысленного существования.

"Но появился ты, Ли Шэнъань... Ты вернул мне вкус к жизни, заставил вспомнить, каково это — быть человеком. И после этого ты говоришь мне такие слова?"

Как заставить этого упрянца полюбить себя? Как подчинить его своей воле? Оправдать его ожидания? Стать тем, кого он хочет видеть?

"Нет, это глупость."

Человеческим желаниям нет предела. Стоит уступить один раз, как он потребует другого, третьего. И в этой бесконечной гонке Лу Чжаньбай рискует навсегда остаться ни с чем.

"Я не позволю никому решать мою судьбу. Не буду плясать под чужую дудку. Я сам возьму то, что мне нужно, подчиню себе всё и каждого. Только так можно избавиться от этой беспомощности и боли. Свою судьбу я буду вершить сам, и никто — даже ты — мне не помешает".

"Шэнъань, я умею ждать. Я затаюсь и дождусь своего часа. Все твои слабые места у меня как на ладони. Наступит день, и ты сам придёшь ко мне, сам ляжешь в мою постель. Ты кажешься праведником, но внутри тебя бушует пламя, которое ты изо всех сил пытаешься сдержать. Это твоя погибель. Рано или поздно ты сорвёшься, и тогда я буду рядом. У меня достаточно терпения. Ли Шэнъань, мне нужно не просто твоё тело и твоё сердце. Я хочу владеть тобой целиком".

Чжаньбай незаметно для себя задремал прямо на диване. Когда он снова открыл глаза, перед ним стоял Шэнъань.

— Иди в спальню, на диване за ночь окончательно задеревенеешь, — негромко произнёс он.

— Куда? — сонно пробормотал Чжаньбай.

— В комнату моего отца. Я уже застелил там постель.

— Ну уж нет! — Чжаньбай возмущённо округлил глаза. — Терпеть не могу спать в комнатах стариков!

Шэнъань нахмурился.

"Капризный ублюдок. Ничего из себя не представляет, а гонору выше крыши".

— Ладно, ложись в мою спальню, а я переберусь к отцу, — вздохнул он.

— А вместе лечь нельзя? — ляпнул Чжаньбай прежде, чем успел подумать.

Неисправимый наглец и подонок. У Шэнъаня уже не осталось сил даже злиться. С такими людьми доброта действительно выходит боком. Он молча развернулся, собираясь уйти.

— Иду, иду! Уже согласен! — поспешно закричал Чжаньбай. — Давай в твою комнату!

Шэнъань перенёс его на спине в свою комнату, помог добраться до уборной, а затем бережно уложил на кровать и укрыл одеялом.

Остановившись у порога, он обернулся:

— Ночь будет тяжёлой. Я оставлю настольную лампу включённой. Если боль станет совсем невыносимой, позови — дам обезболивающее.

Дверь тихо закрылась.

Окружённый едва уловимым, чистым и свежим запахом, который исходил от постели Шэнъаня, Чжаньбай долго не мог уснуть. Он лежал неподвижно, лишь слегка поворачивая голову и разглядывая полумрак комнаты. Слабый свет ночника выхватывал лишь небольшой островок пространства на прикроватной тумбочке.

Там, прямо под абажуром, стояла маленькая деревянная фигурка. Чжаньбай присмотрелся: статуэтка изображала прильнувших друг к другу мужчину и женщину. Очертания мужского силуэта до боли напоминали самого Шэнъаня, а вот лицо женщины было ему совершенно незнакомо. В памяти всплыл рассказ Лю Хао о том, как Шэнъань по ночам плакал, сжимая в руках деревянную куклу.

"Значит, это она... Та самая женщина, которую он никак не может забыть".

Фигурка источала тонкий, едва заметный аромат ценного дерева. Чжаньбай попытался дотянуться до неё рукой, но из-за бинтов и сковывающей боли так и не сумел достать.

Спустя несколько часов Чжаньбай проснулся от резкой вспышки боли. Всё тело было мокрым от пота. Сначала он решил терпеть до утра, чтобы не давать Шэнъаню лишнего повода для насмешек, но вскоре уловил тихий шорох из гостиной — звяканье посуды и негромкие шаги.

— Шэнъань! Ли Шэнъань! — хрипло позвал он.

Дверь тут же приоткрылась, и в комнату заглянул хозяин дома.

— Разболелось всё-таки? Сейчас принесу таблетки.

Чжаньбай заметил, что Шэнъань уже полностью одет и даже накинул пальто, будто собрался уходить.

— Который час? — спросил он.

— Пять утра, — ответил Шэнъань, наливая воду в стакан.

— Куда ты собрался в такую рань?

— На пробежку. А по пути зайду в храм. — Шэнъань подошёл к кровати и протянул ему лекарство.

Проглотив таблетки и запив их водой, Чжаньбай спросил:

— Зачем тебе в храм?

— Сегодня ведь Новый год, — улыбнулся Шэнъань. — Посмотрю на праздничную суету, попрошу удачи на этот год.

— Я с тобой! — тут же загорелся Чжаньбай.

— Куда тебе в таком виде? — Шэнъань неодобрительно покачал головой. — Лекарство скоро подействует, постарайся уснуть. Я куплю чего-нибудь поесть и быстро вернусь.

Чжаньбай больше ничего не сказал, лёг обратно под одеяло и проводил Ли Шэнъаня взглядом.

Заперев за собой дверь, Шэнъань спустился на улицу и огляделся. Сумерки ещё не рассеялись, но снегопад прекратился, и весь город лежал, укутанный чистым белым саваном.

Мир вокруг казался первозданным, нетронутым и сказочным.

Наступил Новый год. Впереди, разрывая предутреннюю мглу, брезжил первый рассвет. Шэнъань глубоко вдохнул морозный воздух и побежал вперёд, навстречу новому дню.

<http://bllate.org/book/18227/1759694>